

Светлана РАМБЕЛЛИ*г. Луго, Италия*

КТО ОНА?

рассказ

Вофисе, расположенном на последнем этаже девятиэтажного дома, оставалась одна Мария.

Чем сосредоточеннее вгрызался ее мозг в цифры на мониторе, тем свободней блуждала она мыслями в извилистых тропах прошлого.

Мария вспоминала, как родился младший брат и мать отселила ее, трехлетнюю, в отдельную комнату. Как с рождением нового ребенка родители переменялись к ней и в их обращении появилась нота вечного упрека и грубой насмешки. Ее личные игрушки стали общими, и, чтобы не быть обвиненной в жадности, она должна была позволять отгрызать пальцы любимой кукле. Даже слезы стали с тех пор привилегией брата.

— Не хнычь, ты же старше, — бросал ей отец.

— Отдай, он же младше, — совестила мать.

От напряженной работы у Марии заболела голова. Она встала и подошла к окну, которое выходило на речной канал. В осеннем небе тускло мерцали вечерние звезды. Над противоположным берегом возвышался центр столицы, отражаясь электрическим светом во мраке воды. Человеческие фигурки передвигались шахматными пешками по тротуару, а к берегу никто не спускался — к вечеру там становилось ветрено и сыро.

Мария вернулась к столу и снова погрузилась в подготовку деклараций для налоговой службы.

Вдруг послышался шорох в замке входной двери, и она встрепенулась: «Второй ключ есть только у директора, но он в командировке». Мария напряженно вслушалась и собралась выйти в коридор, чтобы успеть повернуть защелку второго замка. Но тут же догадалась, что директор, наверное, уже вернулся.

Настороженная тревога исчезла, и губы Марии удовлетворенно поджалась — весьма удачно, что руководитель застанет ее работающей в этот час и оценит такое усердие. Коротко зевнула входная дверь, и в коридоре зажегся свет. Крючок вешалки скользнул в петлю верхней одежды, и послышались стремительные, совсем не мужские шаги.

— Охота кому-то сидеть здесь в такой свежий вечер?

Следом за восклицанием в кабинете появилась и сама хозяйка звонкого голоса. Она осматривалась и вместо приветствия бросала веселый взгляд на Марию.

— Это о вас говорил Андрей Борисович? — сдержанно уточнила Мария.

Она вспомнила, как директор предупреждал, что на днях зайдет его бывшая подчиненная, которая работала здесь до Марии. Вроде дамочка стала писательницей и теперь пишет какой-то триллер об убийстве офисного служащего. И она просила дать ей возможность вновь прочувствовать себя, понимаете ли, офисной крысой.

«Кем бы эта писака ни была, директору не следовало доверять ей ключ», — подумала Мария.

— Знаем, помним. Трудовые будни, — промолвила гостья.

Мария исподтишка рассматривала эту скользкую простоту в платье-свитере цвета весенней лужайки и низких сапогах из рыжей замши. Неужели она не может позволить себе выглядеть поярче, изумлялась Мария. Ясным глазам, на ее вкус, недоставало кошачьих черных стрелок, а русым волосам, мягко падающим на плечи, не помешала бы модная стрижка. «Подкрасилась бы в цвет красного дерева и сделала бы укладку», — подумала Мария и непроизвольно потянулась к своей прическе, закрепленной лаком. Ей было приятно, что утром она не забыла надеть свои тяжелые серьги из желтого золота и успела забрать из ателье новый жакет, который так удачно сидел на ней.

Образ гостьи, напротив, своей небрежностью пристал бы неформалке или поборнице феминизма. Но эти течения представлялись Марии убежищем всех страхов, а наружность Лючии показалась ей хоть и небрежной, но достаточно привлекательной. Для другой крайности — сдержанки по призванию — Лючия была слишком естественной (в ее голосе не проскальзывало фальшивого капризного тона или, что было бы еще отвратительнее, самодовольного высокомерия, выдающего убогую пустоту за нечто).

— Меня зовут Лючия, — произнесла она.

«Едва заговорила по-человечески, как сразу эпатирует, — подумала Мария. — Видели мы

таких. Экстравагантно величают себя Лиями и Тинами, а по паспорту — обычные Юльки да Вальки».

— Очень приятно. Я Мария.

— Я вас не отвлекаю? — спросила Лючия и добавила: — Не обращайтесь на меня внимания.

«На тебя не обратишь, — мысленно съязвила Мария. — Такие появляются внезапно и занимают все пространство, оставляя других жалко уютиться в уголке. Тут годами грызешь свой кусок работы, проверяешь счета, сводишь цифры и, высунув язык, тащишься клячей по жизненному пути. А прилетит такая бабочка, и удача тут же преподносит ей на тарелочке творческий успех и всеобщее обожание».

Лючия вышла в коридор и прошла мимо отдела сметчиков в комнату отдыха. Оттуда она вернулась, держа что-то в ладони.

— Не могу поверить, — любовалась она магнитным сувениром в виде чернильного пера. — Я прикрепила его когда-то к зеркалу, и ему с тех пор ничего не сделалось.

Мария не решилась возразить, что перо — ее личная покупка.

Лючия произнесла:

— Когда я покупала его, писатели казались мне величественнее звезд на небе. Кто бы мог подумать...

С этими словами она опустила сувенир в карман платья. Мария внутренне ошетибилась, раздражаясь на несправедливость судьбы. Губы ее сердито подобрались, подбородок напрягся, и она взглянула на Лючию враждебным взглядом исподлобья. Но тут, сбросив с себя оцепенение зависти, она безразлично подернула плечом.

«Публиковаться — еще не значит быть писателем», — подумала Мария, вспомнив повсеместные восторги после выхода первой книги ее младшего брата. Забавные и страшные истории, которые она выдумывала на ходу, шепчась с ним перед сном, их веселые игры, ее подростковые волнения — все он перенес в сборник детских рассказов, не удосужившись даже поменять имена. А Мария, которая с тринадцати лет тайком ото всех писала приключенческий роман, правда, так и не дописав, осталась у вороха своих черновиков. Брату же, молокососу, досталась похвала критиков, литературная премия и контракт на публикацию следующей книги.

После этого Мария забросила диплом филолога и пошла учиться на бухгалтера. Цифры как-то надежнее, решила она, они не мысли, которые у тебя могут бессовестно украсть.

Лючия мечтательно произнесла:

— Я бы чего-нибудь выпила.

— Вам приготовить кофе? — предложила Мария, оставаясь сидеть на месте.

— А знаете, — воскликнула гостя, — у меня в машине есть бутылка шампанского. Выпьем по бокалу? Спущусь, принесу.

Не дожидаясь ответа, она направилась в коридор, надела курточку и вышла.

Даже на секунду не сомневается, заметила про себя Мария, что ее компания может быть некстати. Лючия, конечно, знала о своем обаянии, оттого и вела себя так естественно. Ей, конечно, неведомо неминуемое разочарование, с каким Мария сталкивалась со своим утренним отражением, неведомо терпение, с каким ежедневно приходилось маскировать свое лицо до сносного состояния.

Она вспомнила, что так и не перезвонила мужу. Мария направилась за мобильным, который оставила на чайном столе. Когда она вошла в комнату рекреации, что-то шелкнуло, и в помещении стало темно и тихо.

Мария не испугалась — свет иногда выбивало. Правда, это случилось в разгар рабочего дня и если включались все электрические приборы одновременно. Можно было спуститься на нулевой этаж и поправить рычаг счетчика. Но она решила воспользоваться поводом, чтобы уйти домой и избежать неловкого общения. В полумраке рука нащупала мобильный на столе и палец нажал на кнопку, но телефон оказался разряжен.

Открылась входная дверь, пропускающая полосу света и тень входящей Лючии.

— А почему темно? — крикнула гостя.

Она включила подсветку в мобильном телефоне и захлопнула дверь.

Мария вышла в коридор, собираясь коротко попрощаться и уйти. В конце концов, решила она, эта дамочка работала здесь, имеет ключи и разберется, как быть.

— Проблемы со счетчиком, — ответила Мария, подходя к вешалке.

— А нам это нипочем, — засмеялась та и повесила свою курточку поверх пальто Марии. — У

меня есть праздничная свеча. Иногда покупаю что-нибудь непрактичное для настроения.

Она взяла Марию под руку и повела в комнату отдыха, где усадила в кресло. Из сумки Лючии вынырнули на стол красное шампанское, упаковка сырных палочек, банка красной икры и шоколадные батончики.

Мария сглотнула слюну и, чтобы скрыть голодное нетерпение, пошла за перегородку взять приборы. Такие вкусности были ее слабостью, но она не привыкла транжирить деньги на ерунду. Если уж тратиться, считала она, то лучше купить свинину и запечь ее с овощами в духовке.

Лючия, проворно освещая дно широкой сумки, выудила оттуда свечу в виде двух сердец, соединенных в одно, и поставила ее на поданное Марией блюдо.

— Вы не зажжете? — спросила она и пошла за перегородку к кухонной стенке.

Оттуда послышался глухой перебор ножей и вилок.

Мария вынула из кармана брюк зажигалку, поднесла к верхушке свечи и щелкнула. Огненный хвостик с мягким треском вспыхнул, растапливая оранжевый податливый воск. Медовый аромат поднялся в воздух, отражаясь бликами света на бархатной обшивке кресел по обе стороны стола под окном и освещая диван у гипсокартонной перегородки.

Подошла Лючия с большим ножом в руке.

— Откроем по-гусарски? — подмигнула гостя.

Через секунду нож размашисто рассек воздух и звонко ударил по горлышку. Стекло верхушка с гулким стуком упала на пол и шампанское полилось в бокалы.

— За эту невероятную жизнь, — предложила Лючия тост.

Мария отпила глоток и откинулась на спинку кресла. Нежный аромат свечи с треском таял, шарики икры вкусно лопались во рту и шампанское приятно освежало горло.

Но Мария не знала, о чем говорить с гостьей. Она всегда опасалась стремительного сближения с незнакомыми людьми. Дружба с первого взгляда не заканчивалась для нее ничем иным, кроме взаимной вражды и раскаяний в откровенности.

— А вы? — спросила Лючия, отпив глоток шампанского. — Увлекаетесь творчеством?

Мария покраснела и горячо, словно обороняясь, заговорила:

— При чем здесь творчество? Я хороший специалист в своей области, на работе меня уважают.

— Да-да, — примирительно произнесла Лючия, — мне просто показалось.

— Что вам показалось? — кротко уточнила Мария, не желая ссориться с подругой владельца.

— Будто вы не в ладу с собой.

— Вы совсем не знаете меня, — бросила Мария.

— Знаю, — спокойно произнесла Лючия. — Я вас знаю.

«Кто она? — пронеслось в голове у Марии. — Любовница мужа? Внебрачная дочь папы? А может?..»

Мурашки пробежали по ее телу. Нет, это было бы невозможно.

Мария заговорила, чтобы перестать думать:

— Как вы можете знать что-то обо мне, если я ничего не знаю о вас?

— Вы хотите узнать меня?

Лючия потянулась к сумке и вынула оттуда книгу. Она раскрыла ее и наклонилась всем телом к свету свечи на столе.

— Я буду читать вслух.

— У вас устанут глаза от напряжения, — предупредила Мария.

— Я помню все, что там написано. Буду лишь подсматривать.

Локоть Лючи поерзал на поручне кресла, и на паркет упали наушники, скомканные в беспорядочный клубок. Мария вспомнила, что пыталась размотать проводки на обеде, но оставила, запутавшись в узлах.

— В моей исповеди мало изящного, — предупредила Лючия. — Впрочем, Ницше считал, что верят только заикающимся.

И она стала читать.

Это была исповедь девочки Люси, которой казалось, что родители забросили ее, променяв на младшего брата. В одиннадцать лет Люся собиралась сбежать из дома, потом — прыгнуть из окна. Не решившись покуситься на себя, она все же проявила характер — на осенние каникулы уехала к бабушке за город, заявив матери, что даже один день драгоценного отдыха не потратит на их унылое общество. Но через неделю у бабушки стало скучно, и Люся поехала домой. Выйдя из автобуса, она встретила подружку.

— Мои родители уехали к деду, вернутся завтра, — сказала подруга.

— Ух ты! Иду к тебе ночевать, — заявила Люся.

Обрадовавшись, что не нужно даже отпрашиваться у родителей, она пошла напрямик к подруге.

Когда на следующее утро Люся шла домой, то издали заметила столпотворение на площадке перед ее пятиэтажкой. В ужасном предчувствии она повернула к своему подъезду, которого уже два часа как не было. Вместо него были разрушенные стены, копченый запах, десятки любопытных и сочувствующих глаз, телевидение и спасательные службы.

— Кто-то бросил на ночь газ открытым, — звучали голоса.

— Нет, — послышался доверительный шепот, — это испытания на полигоне проводили. Неудачно прицелились. Воронка прямо в дом.

В квартире соседки, старой учительницы с третьего этажа, не было передней стены, осталась лишь внутренняя, на которой висел ковер.

«Он ведь был синий», — в оцепении заметила Люся, глядя на красно-зеленый, будто забрызганный куриными потрохами ковер.

Она набралась смелости и подняла голову. Квартиры на пятом этаже, где она жила, не было.

«Значит, мама, папа и брат взорвались. Умерли!» — в панике прошептала Люся. Но эти слова отлетали насмешливым мячиком от ее сознания. «Ведь этого не может быть».

Она растерянно смотрела в толпу, и все происшедшее казалось ей организованным представлением, чьей-то несмешной шуткой.

«Бедненькие... Бедненькие мои. Они очень мучились?»

Это было время, когда мобильные телефоны были только у богатых.

Люсе ясно представились глаза родных в секунду взрыва, и она затряслась от слез. Сквозь рыдания она будто слышала предсмертные крики матери. Крики нарастали, и Люсе казалось, что голова ее сейчас взорвется, разлетится на куски, как взорвалась вся ее семья.

— Доченька! Дочка!

Сначала это показалось сном: родители и брат спешили ей навстречу — живые и взволнованные.

— Мы ночевали на даче, час назад узнали об

этом ужасе, — говорила мать. — Я сразу позвонила бабушке, чтобы услышать твой голосок.

Мать с трудом произносила слова:

— А она сказала, что ты еще вчера уехала. Говорила, что приказывала тебе с автобуса идти напрямик домой...

Лицо матери искривилось, и она завывала, закрывая рот ладонью.

— Хорошо, что ты такая непослушная, — сказал отец.

Щека его дрогнула, и он отвернулся.

Мать целовала Люсю в макушку, а младший брат, поддавшись общему чувству, погладил руку сестры.

Люся стояла между ними в тревожном смятении. Голова болела от пережитого напряжения, от облегчения, что родные живы, от изумленного понимания, что ее любят. Родители оказались такими незащищенными и слабыми перед стихией жизни. Но ведь они добрые, поняла она. И сама себе Люся казалась чистой и хорошей. Оттого, что прощала родным старые обиды, оттого, что любила их и они любили ее — так, как умели. А по-другому их любить никто не научил.

...Лючия прервала чтение и взглянула на Марию.

— Вам не понравилось, — сказала она.

— Не то чтобы не понравилось, — ответила Мария, смутившись тем, что ее впечатление угадано. — Но зачем так обнажаться? Зачем вытаскивать из прошлого старые терзания?

— Возможно, так я освободилась от их тяжести. Разве пессимизм в творчестве не освобождает нас от пессимизма в повседневности? Общество, в котором искусство подается с беспощадной правдивостью, зачастую вполне здоровое общество. Во время Второй мировой войны транслировали жизнеутверждающее кино для поднятия духа, а в это время плач стоял над землей. Меня настораживают люди, которые отгораживаются от книг и фильмов с плохим концом. Над их кроватями висят вырезки счастливого будущего, и музыка в их квартирах играет веселенькая — так, чтобы не слышать внутренней пустоты. Чем в более жалком положении находится человек, тем яростнее он стремится отмежеваться придуманными хеппи-эндами от гнетущей реальности.

— Значит, — спросила Мария, покраснев, — вы избавились от детских обид через книгу?

— Зачем драматизировать? — ответила Лючия. — Обид было не больше, чем радостей. По-своему они любили меня.

Мария поставила пустой бокал на стол. На голодный желудок шампанское слегка опьянило ее.

— А меня не любили, — грустно сказала она. — Бабуля — да. А от родителей, кроме упреков, я ничего не слышала.

Мария чему-то лениво улыбнулась и стала припоминать:

— Были майские праздники, мне было двенадцать лет. Я вышла из автобуса и шла по деревенской улочке, вдыхая сочный запах свежескошенной травы. «Это тебе не пыльный асфальт», — вдыхала я полуденный воздух, переступая через щедрый коровий ляп.

Соседи повылазили за калитки, как слизняки на капустные грядки, смотреть бабулину гостью из города.

«Драсьте, драсьте!» — только и успевала я вскрикивать без разбору. Каждый встречный мог оказаться моим троюродным дедом, двоюродной бабой или любой другой водой на киселе.

Бабуля вышла навстречу и, обняв ладонями мое лицо, повторяла:

— Моя квиточка приехала.

— А я вареников с вечера налепила, — сказала бабуля и повела меня в хату.

Печь с утра остыла, и бабуля не стала заново разводить огонь, а включила электрическую плитку. Пока грелась вода, она принесла из курятника свежие яйца и поплевала на них, отирая замусоленным фартуком прилипший к скорлупе помет. Яйца в размазанном слюной курином помете ныряли из бабулиных рук в кастрюлю, в которой кипели вареники.

И вот уже на столе парил обед. Лоснились под зажаренным луком вареники, красовались в разрезанных яйцах желтые серединки и сладко таяли во рту домашние сливки из козьего молока.

А вечером бабуля накрыла ужин за хатой. Мы сидели в саду под шелковицей, никуда не торопясь. На десерт бабуля подала свежее козье молоко и достала из погреба варенье из зеленых еловых шишек.

Моя рука сыто двигала ложкой по дну пиалы

с вареньем. Было приятно отдыхать от безделья в душистом майском саду.

Ворочалась в сарае коза, трещал кузнечик в малиновых кустах и шуршали соломой птицы в курятнике. Мало-помалу небо темнело, и загорались далекие лампочки первых звезд.

За краем огорода, где ветки деревьев тянулись в горизонт, мелькнула молния. Бабуля несколько раз пожаловалась на высокое давление. Стало скучно и тоскливо.

— Пора укладываться, — спохватилась бабуля, увидев, что я зеваю во весь рот.

Ранним утром меня разбудило проворное чирканье птиц. Сквозь занавески заглядывал в комнату рассвет. Я любила такие мимолетные пробуждения, когда можно опять окунуться в сладкий сон. Голова утонула в мягкой подушке, а пуховое одеяло ласкало подбородок. Послышалось кряхтенье бабули — наверное, разводила огонь в печи, подумала я. Знала, что она зайдет сейчас ко мне в комнату, подоткнет одеяло по бокам, приберет мою всклокоченную челку со лба. Это было всегда приятно, хоть я и прятала теплую нежность за сонным раздражением, смахивая, как муху, бабушкину ладонь.

— Внуча, — услышала я тяжкий зов бабули.

Что-то нехорошее зашевелилось в моей душе. Тело вдруг тревожно обмерло, и мутная паутина страха до боли стянула сердце.

Бабуля снова застонала. Когда я подошла к ее кровати, она тихо попросила:

— Пить.

Каждое утро бабуля приносила из колодца свежую холодную воду. А сейчас ведро на табурете у раковины оказалось пустым. В моей комнате на комодке стояла кружка с недопитой вчера водой, и я понесла ее бабуле.

Вошла в комнату, и взгляд мой упал на стенное зеркало, в котором отражалась кровать. Бабуля лежала без движения. Мне страшно было повернуться и посмотреть на нее, и глаза мои умоляли откликнуться бездушную зеркальную гладь. Медленно, почти останавливаясь, я шла к кровати. Чем ближе я подходила, тем сильнее немели мои ноги в предстоящей необходимости убедиться в том, о чем с ужасом догадывалась.

Словно перед встречей с неминуемым врагом, я замерла, чтобы через секунду решительно приблизиться к кровати.

Через минуту я бежала к соседям, содрогаясь от потрясения.

Когда сельская докторша выписала свидетельство о смерти и вышла из хаты, соседские бабы потекли в комнату готовить покойницу. Я сидела на табурете за сараем, ожидая приезда мамы. Шорох и возня доносились из открытых дверей хаты. Случившееся постепенно доходило до моего сознания. Разноцветные сумки из лоскутков, малина, которую бабуля терпеливо и заботливо собирала для меня в глиняный кувшин, очищенные от скорлупы подсолнечные семечки, абсолютная беспричинная любовь — всего этого больше не будет.

От беспомощного понимания, что ничего, ничего нельзя сделать, чтобы вернуть бабулю, хотелось кричать, бежать куда-то или биться головой об стенку.

Но я продолжала сидеть неподвижно. А потом встала и направилась в сени. Подняла за дужку цинковое ведро, вышла на порог и бесстрастно, по-взрослому, взболтала и вылила на землю мутный осадок. Затем я направилась к колодцу: нужно было наносить в бадью воды для последнего купания бабули.

К концу недели городская площадь была наполнена торжественной радостью — праздновали День победы.

Гуляли нарядные пары, бегали и смеялись дети, улыбались и плакали старики.

Той весной я выросла из детства.

— Мертвых любить проще, — заметила Лючия. — Но живых тоже можно.

— Тех, кто к вам равнодушен? — уточнила Мария.

— Я вам говорила, что мне тоже иногда казалось, что мать не любит меня. Недавно я приехала к ней в гости. Она теперь одна. Отец ведь уже несколько лет как ушел к другой.

— Если бы мои родители развелись, — перебила ее Мария, — то в детстве у меня был бы отец.

— А разве его не было? — удивилась Лючия.

— Вместо него был подлец, который обижал мою мать и про которого я не слышала от нее ничего хорошего. А ведь с нами, детьми, он был совершенно другим. Если бы родители жили раздельно, наверное, отец чаще играл бы с нами в домино и ездил на рыбалку, вместо того чтобы в яростном азарте выяснять с ма-

терью отношения. Общась с нами, каждый из них пытался перетянуть нас на свою сторону, и мы часами оправдывали их друг перед другом. Это злило родителей — будто мы, дети, насильно заставили их когда-то создать семью, в которой им так невыносимо.

Мария оборвала себя, произнося:

— Итак, вы поехали к маме.

— В этот период я дописывала черновик новой книги, — заговорила Лючия, — и сразу после ужина ушла в спальню. Услышав звук открывающейся двери, я сосредоточенно уставилась в ноутбук, хотя за миг до этого лениво смотрела в стенку. Мама заглянула в комнату и осторожно спросила: «Можно?»

«Заходи», — разрешила я, не отводя глаз от монитора. Мама села на край дивана позади моего стула и молчала, боясь показаться навязчивой. Я спиной ощутила ее одиночество и горечь. Как за ужином она старалась угодить мне, так и сейчас, как бы стесняясь своей нежности, мама осторожно погладила ладонью мое плечо. Мне показалось, что ей хотелось заплакать от этого унижения — отдавать нежность, безмолвно молить об общении, рискуя вызвать мое раздражение. Мать будто ждала милостыни, находя справедливым мое пренебрежение, признавая себя жалкой и ненужной. Я чувствовала, как она страдает. «Пойду, не буду тебя отвлекать», — произнесла она. Я обернулась и увидела, что по щекам ее катятся беспомощные слезы.

Марии вдруг пронзительно захотелось позвонить своей маме. Сказать ей нежные слова. «Наберу ее утром», — уняла она боль от укола дочерней совести. Но уже знала, что завтра не найдет в себе и тени сегодняшнего трепета и в лучшем случае снова не позвонит, а в худшем — наберет номер матери, но уже через три минуты общения раздраженно закончит разговор.

— Но вы не закончили читать мне вашу книгу, — произнесла она. — Кажется, детские воспоминания только прелюдия к самой истории.

— С удовольствием продолжу.

Лючия вынула из книги нож, которым заложила страницу, и по комнате вновь разлился ее голос:

— Он завладел мною с той секунды, как предстал перед глазами. В тот непогожий день я шла на встречу с агентом по недвижимости.

Ветренный сентябрь бесчинствовал и выворачивал зонты наизнанку.

За кирпичной пятиэтажкой я свернула в улочку, ведущую в частный сектор. Холодный порыв ветра взвил мои волосы и хлестнул ими по глазам.

И вдруг солнце засияло передо мной: я увидела его. Он оказался красивее, чем на фотографиях, умиляя скромной простотой, к которой я всегда бессознательно тянулась.

Но его могли захотеть и другие. Поэтому я не уволилась с работы, которую уже давно порывалась бросить. Теперь уже она не высасывала мои силы, а приближала к мечте. Вечера я посвящала дополнительному заработку в Интернете — удалось устроиться фрилансером на сайт клиники искусственного оплодотворения. Нужно было создавать ветки в форумах по типу: «Не получается завести лялю. Что делать?» Мне сочувствовала какая-нибудь Яна — опять же я, только прикрытая другим ником: «Мы с мужем страдали тем же, пока добрые люди не послали в одно место. Теперь я — мама».

«Что за место? Расскажи!» — взывали от нетерпения клоны автора темы, то есть опять же мои виртуальные персоналии.

«Не знаю, — отвечала придуманная Яна, — выкладывать ли в Интернет название клиники. Чтоб через девять месяцев хватило коек в роддомах».

«Поделись контактом, плиз!» — множилась я на бесконечность комментаторов. К несуществующим женщинам присоединяются реальные, готовые схватиться за малейшую возможность нянчить надежду. И тогда я великодушно кидала в сеть ссылку на всемогущую клинику.

Важно было задеть самые чувствительные струны бедных женских сердец и держать интригу. «Избегайте прямой рекламы», — напоминали кураторы, трансформируя в зарплату количество комментариев вольнонаемников.

Поначалу было совестно так откровенно обманывать людей, но стоило мне уменьшить ложь, как мои кураторы тут же бомбардировали меня электронными указаниями, напоминающая о психологии добровольных жертв, которые не хотят полуправды: «Им нужен стопроцентный, всепоглощающий обман». Когда я лишь немного завывала статистику благополучных исходов, ветка форума чахла от безответности. А настроив, что опубликую контак-

ты клиники, едва покормлю трёх карапузов, которые родились у меня после волшебного вмешательства, я находила через час клумбу печатных воплей: «Сбрось контакты в личку!»

Вынужденную ложь я оправдывала стремлением к моей цели. Мой жених тоже старался ради общей мечты. Пусть не так усиленно, как я, но что было делать.

— Артем не виноват, — выгораживала я жениха перед подружками, — что на его работе ему не дают проявить скрытые способности. Ведь он добрый и мягкий.

— Мягкий, хоть на хлеб намазывай, — сочувственно отвечали подруги.

— И какой вкусный суп готовит! — нервно восклицала я и вела гостей в кухню нашей съемной квартиры.

Артем огорчался, что вечером я не ложилась спать вместе с ним, а занималась подработкой до поздней ночи. Минут пятнадцать я сидела на краю кровати и уговаривала его не грустить. Он понимающе опускал веки и засыпал.

Зимой свадьбу лучше не играть, просчитывала я. С детства слышала от бабушки страшную историю об одной невесте, которая выкручивалась перед фотокамерой в открытом платье и до смерти простудилась. Значит, весной. Но в марте — мама мне рассказывала — одна пара, только из загса, поехали распить шампанское на природе, а снег едва растаял, машину повело... Нет, пожить еще хотелось. И в мае нельзя, чтоб не маяться. Решили отложить свадьбу на лето.

Мой жених благородно настаивал, чтобы я оформляла покупку недвижимости на свое имя. Вполне справедливо, соглашалась я, хотя какие уж перед свадьбой счета.

Наверное, не стоит отвечать на звонок начальства, когда стоишь в дверях кабинета нотариуса.

— Ты где? — удивился мой начальник, забыв, что я отпрашивалась для оформления покупки дома. — Через полчаса совещание.

— Все таблицы у вас на столе, — ответила я, с необоснованным беспокойством готовясь к нападкам начальника. — На всякий случай я распечатала и прошлогоднюю статистику.

— А если директор потребует позапрошлую?

Нотариус и продавец дома взирали на меня в недовольном ожидании. С особым нетерпением

смотрел на часы агент по недвижимости — ему хотелось скорее разделаться с нами и получить свой гонорар за посредничество.

— Оформляй покупку на себя, — поспешно бросила я жениху, сказав в трубку начальнику, что сейчас буду.

Как часто мы позволяем руководителю распорядиться не только нашим рабочим временем, но и жизнью. Мы не решаемся уехать в институт на сессию, смущенные недовольной гримасой начальника, и теряем диплом о высшем образовании. Мы стесняемся взять больничный и годами мучимся от осложнений. В дни рождения родных мы сидим на работе до позднего вечера и теряем семейное счастье. Мы приходим в офис с гриппом и узнаем, что зараженный нами коллега принес инфекцию домой и заразил новорожденного сына. Несмотря на то что ни за больничный, ни за сессию, ни за уход домой в конце рабочего дня нас никто не уволит, мы малодушно угождаем начальству. Но стыдно признаться себе в трусливой услужливости, и мы называем себя трудоголиками и карьеристами, ненавидя свою работу и не продвигаясь по службе. Так откладывается недочитанная книга, личное счастье, рождение детей. «Мы делаем одно общее дело, потерпите», — патетично повторяет начальник и строит дачу, нянчит внуков и получает премию за наши усердия.

Итак, кредит был зарегистрирован на имя жениха.

Я не горела к нему страстью. Но испытывала благодарность, нежность. Хотя на его месте мог быть любой другой, проявивший такое же терпение и такт.

Смутное ощущение собственного предательства медленно поднималось во мне. Но не к нему, а к себе — за то, что примирилась с серостью. Артем был грамотным и начитанным, но не мог удивить меня, не умел воспроизвести ничего свежего или самостоятельного. Я понимала, что он останется вечным учеником, книжным мальчиком. Речь его была наполнена чужими цитатами, вкусы ориентировались на наблюдения признанных знатоков, а сам он напоминал энциклопедию, закупоренную в шкафу, в который не попадает свежий воздух. Моя веселая энергия прокисала в затхлой воде стабильности, в которой плавал мой жених. Невыносимо было видеть эти

неизменно покорные глаза, наблюдать беспрекословную уступчивость и получать не разжигающие меня ласки. Я больше не могла не замечать, насколько он осторожен, нерешителен и, в конце концов, труслив. Что терпение его было не следствием обуздания нрава, а результатом теплохладности — ни в чем он не был горяч и ни в чем — холоден. И душа его казалась мелкой, с кулачок. Вдобавок мать Артема с рождения не оставляла ему шансов на проявление самостоятельности, и чахлые ростки воображения, которые проклеывались в маленьком сыне, она давно выщипала из его головы. Но ее бдительная опека не переставала быть начеку, и она неустанно высматривала отклонения от нормы в уже взрослом чаде. Приходя к нам в гости, она не уставала повторять:

— Протягивайте ножки по одежке.

После ее визита мне становилось жаль жениха, и он снова виделся мне трогательным и беззащитным. Хотелось что-то сделать для него, спасти от душевного и материального прозябания. Становилось неловко считаться и намекать ему, что вся забота о выплате кредита легла на мои плечи.

Нет смысла затягивать и скрывать, что случилось дальше. Ясно, что я осталась ни с чем. Замечали, с какой преданной благодарностью заглядывают вам в глаза те, на кого вы переписываете имущество, кого выручаете деньгами или пристанищем? Чем растерянее казался человек, которому вы помогли, чем тяжелее было его положение в момент, когда вы протянули ему спасительную руку, тем с большим презрением он взглянет на вас, когда вы попросите вернуть долг или освободить вашу квартиру.

Когда я раздумала выходить замуж, окружающие недоумевали: «Не пьет, не курит и не бьет. Чего еще надо? Кого еще надо?»

Я поспешно собирала вещи, отмахиваясь от подлого страха остаться на всю жизнь одной. В какую-то секунду притязания на возвышенную и пылкую любовь показались наивными и надежды встретить сильную страсть — пустыми. В этот миг я готова была согласиться объединить мою тоску о несуществующем счастье с кислой пассивностью Артема. Но расчет успокоиться в семейной повседневности казался неубедителен.

Невидимые струны моей души вдруг натяну-

лись до такого предела, что хотелось плакать — но не от горечи, а от томительного предчувствия чего-то необыкновенного. Смутное предвкушение вызывало сладостную боль и неясный восторг — те чувства, которые, я знала, никогда не сумеет открыть во мне Артем. Мое сердце предсказывало радостное беспокойство и щекотное нетерпение. Волнительное ожидание мерещилось впереди, и воображение пыталось всмотреться в манящее пятно будущего, которое расходилось кругами по всему телу, маня в неизведанную даль завтрашнего дня.

Кроме сентиментальной стороны вопроса, стоило позаботиться о материальной. Артем предупредил меня, чтобы я не рассчитывала получить возмещение от него за оплаченную часть кредита. Я понимала, что боль и обида говорят за него, и виноватое сочувствие к брошеному жениху грызло мое сердце. Его, опечаленного и обиженного, мне было жалко больше, чем денег, вложенных мною в дом.

Выкатив чемодан в прихожую, я вошла в кухню, в последний раз надеясь воззвать к совести Артема и обсудить честное разделение имущества. Но он был не один, а с матерью, которая приехала защитить оскорбленного сына. Несостоявшаяся свекровь преградила мне путь к пароварке, подаренной ею на мой день рождения, и глазами гончей собаки сторожила электрический чайник у плиты, который я недавно купила.

Я оглядывалась по сторонам, ища взглядом позолоченный кувшин — бабушкино наследство. Вдруг меня осенило.

— Ты продал его? — спросила я у Артема, который стоял за спиной матери.

Он, видимо, не думал, что я вспомню о кувшине, и на лицо его поползла предательская улыбка.

— Не волнуйся, я тебе верну, — сказал он, усмехаясь.

Тогда я поняла, что улыбка не всегда является признаком душевности. Иногда она, суетливая, с бегающими глазками, лезет на лицо человека, которого уличили во лжи. И я поняла, что не раз видела в Артеме намек на эту трусливую улыбочку, замечала смешки, когда он видел, что я подозреваю его в неблагородстве. Так и сейчас своей улыбкой он хотел придать невинный оттенок той подлости, которую намеренно совершил. Такие гадкие

улыбки присущи трусам и сплетникам, не умеющим вести открытый диалог.

Внутренне кипятясь от обиды и отвращения, я успокаивала себя тем, что вещи, которые они отбирали у меня, — это ценник их желаний и возможностей. «Нет предела человеческой жадности», — признала я с обидой и горечью. Я попыталась преобразовать в слова мои впечатления от их мелочности, но жених, храбрым рыцарем выскочив из-за грозного плеча матери, воскликнул:

— Ты хочешь войны? Ты ее получишь!

Не хотелось даже представлять, что придется окунуться в зловонную чашу дряг, которую они готовили для меня. Я просто ушла, оставив Артема вместе с кредитным домом, который он перепродал, забрав себе доход. Но успокоения он в этом, видимо, не обрел и старательно поливал меня грязью, жалуясь каждому, кто готов был слушать. Он был разочарован, что не смог получить удовольствия, затянув меня в изнуряющие судебные тяжбы, и насладиться моей беспомощностью против его ухищрений. Я же только благодарна ему. Своим низким поведением при расставании Артем освободил меня от вины, которую я возложила на себя за свой вероломный уход. Будь он хитрее, то проявил бы ангельскую кротость. Тогда тоска и совесть точно заели бы меня, и я вернулась бы, виноватая, обратно. Домов и позолоты можно купить сколько угодно, а жизни, отданной на съедение чужим по духу людям, — не вернешь.

После ухода от Артема я сняла недорогое жилье. Расплатившись за месяц за скромную комнату, бросила уставшее тело на старую кровать и, устремив взгляд в серую побелку, удовлетворенно улыбнулась: я сделала это. Я ушла от человека, которого не любила.

Мария пожала плечами:

— Вы с самого начала не верили в своего парня, поэтому все и закончилось именно так. Мы с мужем тоже приобрели дом до свадьбы. Но я доверяю ему, он хороший, воспитывает нашу дочку. Да, пока я здесь, в столице, одна. У него там своя работа, его мама помогает с ребенком. Но со временем я заберу мужа и дочку ко мне.

— Примечательно, — заметила Лючия, — что вы сказали не «он придет» к вам, а что вы «заберете» его.

Уязвленная, Мария вспыхнула и, казалось, готова быласию же минуту встать и уйти — настолько ее задело замечание.

Лючия тут же продолжила рассказ:

— Итак, один порыв честности повлек за собой другую. Я поняла всю подлость моей подработки на сайте клиники. В импульсе искреннего бескорыстия я разместила в Интернете письменные указания уловок, которые присылали фрилансерам работодатели для обмана посетителей сайта. Мне хотелось раскрыть этот массовый обман. Но вместо того чтобы поверить разоблачению, читательницы принялись защищать от нападок невинную, по их мнению, клинику. Поистине, люди готовы не верить глазам своим и ушам, только бы пожалеть обвиняемую жертву и войти в роль сочувствующего меньшинства, которое, по сути, быстро превращается в стадное большинство. Человеческой страстью оправдывать виноватого зачастую пользуются политики, чем и объясняются приступы добровольного помешательства электората.

С основной моей работой мне тоже не терпелось покончить. На миг меня охватило мстительное удовольствие от предвкушения высказать начальнику все, что я думала о нем и обо всем их загнившем управлении. Чтобы желваки задергались на его лице. Но как только мое заявление об увольнении было подписано, мне больше не удалось обнаружить в себе прежней злобы. Каждый день, приближая меня к уходу, отдалял от руководства и сотрудников, уменьшая их в моих глазах. Вместо прежней досады я испытывала лишь снисходительную жалость к ним, барахтавшимся в прогнившем месиве офисного болота.

После увольнения мне почему-то казалось, что новая работа сама найдет меня. Восторженное предчувствие и ожидание чего-то необыкновенного все теснее волновалось в груди.

В один из этих дней путь с рынка домой я решила срезать и пошла через неухоженный парк у реки. Эту запущенную территорию давно уже хотел выкупить известный в городе бизнесмен. Он собирался благоустроить зону, построить здесь пару кафе и установить аттракционы. Но местные власти воспротивились тому, что общественный парк станет предметом торговли, и парк стремительно превращался в грязную свалку.

Я шла по тропинке вдоль разросшихся кустов

и деревьев. Вдалеке валялась грязная доска, бывшая некогда скамейкой, на которой приютился бомж. Стоял летний пригожий день, но парк внушил мне смутный страх, и я поспешила скорее пересечь его. Вдруг внимание мое привлек аккуратный лист бумаги, прикрепленный канцелярской кнопкой к коре дуба. Я приблизилась и прочла текст, набранный на компьютере зеленым шрифтом:

«Если ты не обыватель, для которого потолок стремлений — новая мебель и отпуск раз в году, то мы ждем тебя. НО! Только особенные могут работать у нас. Приглашаем».

И больше — ничего. Я сорвала бумажку — на обороте не было никакой обратной связи. Меня охватило странное нетерпение. Я принялась осматривать столбы деревьев, ничего не находя. Но бомж, который спал вдалеке, поднялся, разбуженный выглянувшим из-за листвы горячим солнцем. И я скорыми шагами покинула парк.

Я вернулась в квартиру через переулки, в которых избегала назойливой суеты проспекта. И вот в нескольких минутах от дома я увидела не приметную для меня прежде вывеску. Теперь же она поразила. Над дверью то ли офиса, то ли частной квартиры висела белая табличка с зеленой надписью: «Приглашаем».

Я запомнила место и поспешила в квартиру, чтобы привести себя в порядок и вернуться сюда в надежде найти необычную работу. Наскоро приняв душ, я смыла пудру с лица и нанесла на кожу лишь тонкий слой тонирующего крема. Тронув тушью ресницы и прозрачным блеском губы, надела летнее бежевое платье, доходящее до колен. Я собиралась выйти с фирменной сумкой, но взглянула в зеркало и раздумала. Дорогой аксессуар как бы выступал впереди меня, в нем чувствовалась хвастливая претензия. Казалось, я, не рассчитывая на ценность своей личности, выставляла статусную вещь как рекомендацию. Отбросила сумку и вместо нее повесила на руку льняную кошелку, расшитую цветами. Отражение в зеркале подтвердило — я не ошиблась в выборе. Сделанная вручную, дышащая неспешным усердием, сумка придала смысл незатейливому платью, напех высушенным волосам и припухшим от долгого утреннего сна векам. Все заиграло в пользу мо-

лодости, которой чужды дорогие костюмы, тяжелые украшения и броский макияж.

На улице уже не было полуденного зноя. Ветер сдвинул с места тяжелый воздух, принося приятную свежесть.

Я подошла к интригующей вывеске и мягко толкнула черную лакированную дверь. Она подалась вперед, и я оказалась в заурядном коридоре офисного типа. Следующая дверь, ведущая в сам кабинет, была приоткрыта. Я сделала несколько шагов, взглядывая внутрь. Высокий потолок был оформлен с театральной помпой, а низко висевшая люстра поражала своей величественностью. Сама обстановка кабинета была не менее царской. У чайного стола с резными деревянными ножками и столешницей из черного стекла стояло три кресла. В двух из них, спиной ко мне, сидели мужчина и женщина, третье же было свободным.

— Заходите, не стесняйтесь, — позвала женщина, поворачивая ко мне голову.

На вид ей было лет тридцать девять, мужчина казался немного старше.

Через минуту я уже сидела в мягком кресле и пила душистый чай.

Мужчину звали Арсением, женщину — Ларисой. Убранство комнаты и элегантно-добродушный прием воодушевили меня на атаку.

— Я хотела бы у вас работать. Инициативная, креативная, готова к обучению, — завела я будто рождественскую колядку самопрезентацию, понятия не имея, представители какой организации сидят передо мной.

— Подойдет, — повернулся Арсений к Ларисе.

Она, казалось, сомневалась.

— Встань, — сказала она мне.

Я машинально поднялась, но, заметив, как они оценивающе переглянулись, торопливо поставила чашку на стол.

— Если вы предлагаете что-то, связанное с интимом, — произнесла я, краснея за выпитый чай и взаимно потраченное время, — то прошу прощения, мне пора.

— Присядь, — примирительно усмехнулась Лариса, коснувшись меня рукой. — Это не проституция.

Я снова села. Заговорил Арсений:

— Вам доверят важную миссию — исправлять пороки. Свообразным способом исцелять лю-

дей от самонадеянности. Вы станете служить эдаким игольным ушком между достатком и царствием небесным.

— Очень важен язык тела, взгляда, — напутствовала Лариса. — Никакого зажима, нервного хихиканья — хотя это тоже можно использовать, но позднее, когда ты будешь лишь демонстрировать волнение, а не испытывать его. Чтобы очаровывать, лишь изображай эмоции — истерички в этом деле не нужны. А если понадобится для эффекта закатить скандал, то перед этим отрепетируй его и устраивай сцену с холодной головой.

— Это что-то из «Писем незнакомке» Моруа и «Театра» Моэма, — согласилась я и тут же покраснела, почувствовав, что хвастаюсь прочитанными книгами.

— Ты порывиста и энергична, — похвалила Лариса, — хорошо, что, кроме наивного любопытства, в тебе есть капля эрудиции — поодиночке эти составляющие утомляют. Добродушие без практического ума превращается в дурость, а развитый интеллект без веселого нрава — в занудный бубнеж.

— И знаешь, Лючия, — добавил Арсений, — что в тебе особенно очаровывает?

— Что? — спросила я и покраснела, не желая слышать похвалу моей фигуре или полным губам — то, что считал нужным сказать каждый, одалживая меня комплиментом.

— То, что ты краснеешь, — ответил он. — Значит, ты живая и впечатлительная натура. И способна увлекаться новизной, учиться, развиваться. Как много мертвых и пустых женщин, согласных видеть в себе только тело и лицо. Они и не претендуют на большее. Их красота — это их потолок. Они элегантны, тщеславны и безнравственны.

Далее Арсений стал рассуждать о бесцельности большинства людей, об их лени и отсутствии воли.

Его неторопливая речь растекалась теплым медом по телу, убаюкивая и лаская слух. Захотелось закрыть глаза и погрузиться в безбрежное очарование радушия и уюта. Я чувствовала себя пригретой и понятой после разочарований последнего времени. Когда от ленивой расслабленности изо рта у меня чуть не выкатилась слюна, я тут же взбодрилась, села ровнее и приняла сосредоточенный вид.

Лариса принялась критиковать меня:

— Ты стараешься показать, что внимательно слушаешь, и слишком напрягаешь глаза. Чересчур много движений. Сумбур замени сдержанностью. Вместо десятка жестов используй один, который будет наполненным и смысловым.

В ответ я откинулась на спинку кресла и величаво склонила набок голову.

Лариса скривилась:

— Нет, жеманность убери. Величие — в простоте. Но помни, что простота не должна быть низкого пошиба. Твое лицо пусть выражает великодушие и отстраненность одновременно. Ни в коем случае не лукавые искания и мелкие заботы. Ты, как ангел, станешь способствовать очищению людей.

— Но вы не должны влюбляться, — сказал Арсений, — так лучше для вас.

В этих напутствиях было что-то торжественное, ритуальное. Что-то неприятное шевельнулось в сердце. Но, пораженная новизной, я заглушила внутренний шепот, отдаваясь приключению новой жизни.

В этой работе мне виделась сверхзадача. Авантюрное нетерпение переполняло меня, и хотелось начать действовать прямо сейчас.

Разъяснив мне обязанности, Лариса предупредила:

— По трудовой книжке ты будешь значиться менеджером. В действительности же ты общаешься к касте целителей. И, что бы ни произошло, ты никому не должна открыть свою истинную роль.

Заметив тень сомнения в моих глазах, Арсений сказал:

— Это прегит вашим понятиям? Не слишком добродетельно? Но, исправив одного, вы можете сотням других. Пороки искореняют через страдания, а не через безнаказанность.

«В конце концов, в чем же грех? — рассудила я. — Можно рассматривать это как служение идее: наказывать за легкомыслие и самоуверенность».

— Вы готовы приступить сегодня? — спросил Арсений.

От торжественности момента моя душа радостно взвизгнула, а пересохшее горло крякнуло:

— Х-конечно.

Через месяц я освоилась и угадывала рычаги управления моими подопечными. Для кого-то

это был страх показаться неплатежеспособным. Для другого — остаться одному. Оказалось, что бездна людей не могут ужинать в одиночестве. Другие дня не проживут, чтобы не почувствовать себя благодетелями. Третьи рвутся спасать, четвертые — поплакаться на сильном женском плече. Все мои пациенты были мужчины, которые не имели ясной цели или непоколебимых желаний. Поэтому я подчиняла их целям и желаниям нашей касты.

Знакомилась я с моими пациентами на улице или в барах, где всегда можно найти праздного обывателя, не знавшего, как убить время.

Мои легенды менялись ежедневно. Больше всего мне нравилось рассказывать, что весь день писала статью о старославянской рукописи, которую откопали при строительстве новой ветки метрополитена.

— Умственный труд изматывает, — вздыхала я.
— К тому же с утра ничего не ела.

Не все встречаемые мной мужчины понимали этот намек. Тогда приходилось усиливать атаку, протягивая руку для прощания:

— Приятно было познакомиться. Пойду домой готовить ужин, не то умру с голоду.

При этом я касалась его руки и нежно смотрела в глаза. Поняв, что сейчас я расту без следа, мужчина сообщал, что тоже еще не ужинал, и предлагал зайти в ближайшую пиццерию.

Но мне нужно было заставить его потратиться в одном из заведений, с которым у моих работодателей был заключен негласный договор на выплату процентов от потраченной там суммы денег.

— Мне коллега рассказывала, — произносила я,
— что в «Витязе» очень достойная кухня. Весь цвет города ужинает там.

Кнопка обычно срабатывала. Мужчина, пробормотав, что, кажется, не раз бывал там, вез меня в «Витязь». Когда приносили меню, я растерянно водила пальцем не по названиям блюд, а по ценам, как делают это простушки. Заметив мою неискусственность, он весь расслаблялся и, выложив локти на стол, говорил: мол, не скромничай, могу себе позволить. Подходил официант, и я хихикала:

— Что-нибудь на ваш вкус.

Он делал заказ, выбирая самые простые, но питательные блюда.

— Что будете пить? — спрашивал официант.

Вот в этот момент и нужно было успеть перехватить инициативу.

— Можно я выберу? — по-детски спрашивала я, с наивной простотой выдернув карту вин у смышленного официанта, который приносил ее лишь в одном экземпляре и знал, что нужно стоять ближе к девушке, если это была не простая девушка, а «работающая».

Я произносила название вина — скромное, не режущее уши разрекламированным брендом — и возвращала карту официанту, который тут же исчезал в полумраке заведения. Здесь проявлялась моя сноровка, вернее подлость — вино я выбирала самое дорогое. От моего трепета перед высокими ценами мужчины теряли бдительность и понимающе улыбались, ожидая, что придется пить самое дешевое пойло под восторженную болтовню новой знакомой. Бывали, конечно, спутники, которые намеренно заказывали самые дорогие напитки, чтобы продемонстрировать свой финансовый статус, но с остальными я действовала исподтишка.

Когда приносили еду и вино, я ела с радостным возбуждением, а спутник гордился, что так легко заслужил восхищение женщины и залог интима с ней. Именно надежда на продолжение вечера и заставляла мужчин не выказывать неприятного изумления, когда приносили счет.

Через минуту я вспоминала, что для завтрашной статьи мне нужно изучить еще три столбца раскопанного текста. Было всегда неприятно выдерживать настойчивое давление мужчин, которые плохо скрывали злую ярость в глазах и беспомощное разочарование. Но я старалась не искушать моих пациентов возможностью безнаказанно обmaterить меня или дать пинка под зад, поэтому процесс первого прощания устраивала в людных местах. На следующий день я не звонила новому знакомому и не брала трубку, а вечером отправляла сообщение с признанием, что думаю о нем. На втором свидании мужчина уже не был так самоуверен, а с третьего начинал превращаться в моего верного пажа.

— Отдаться мужчине в первый вечер — это как расплатиться с ним за ужин в ресторане, определив свою низкую цену, — предупреждала Лариса.
— А вот не уступить даже после шубы и кольца с рубином, после оплаты обучения — значит пока-

зать незаинтересованность в материальных благах, свою одухотворенность. А деньги-то пациентом уже потрачены. Куда отступать? Из упрямства он продолжает охоту, входя в азарт.

Кто-то отсеивался на первом этапе, осознав, что я просто развела его. Остальные же позволяли тянуть себя в магазины — те, которые нужно. Получив сапоги или платье, я продолжала клянчить, но продавец-консультант касался моей руки, показывая взглядом: кончай давить, это предел его кошелька. Означало, что посетитель уже не раз бывал жертвой раскруток одной из целительниц и в магазине уже знают границы его возможностей. Иногда продавцы одобрительно подмигивали: набирай обороты, этот может больше. Осознание, что я не первая, кто выворачивает кошелек пациента в целях очищения его души от мирского, вызывало у меня недоумение. «Он уже не раз чувствовал себя использованным, но это не помогло ему стать более избирательным, — размышляла я. — Вместо того чтобы найти благородную чистую девушку, больной возвращается к издевательствам над собой, чувствуя удовольствие мазохиста?»

Оказалось, что целителей вокруг — легион. Как и структур, готовых платить им десятину, а порой и половину за то, чтобы заполучить пациента. Я заходила на дискотеку, в ювелирный магазин, в гастрономическую лавку — и видела там своих братьев и сестер по духу.

Пациенты доверяли своему целителю. О своих я заботилась так: «Именно в этом, и ни в каком другом страховом агентстве тебе стоит оформить страховку на машину. Билеты и гостиницу для твоей командировки закажу я — пусть твоя секретарша отдохнет. Нет, благодарности не нужно. Ну, раз ты так хочешь доставить мне удовольствие, оплати мне косметические процедуры вот в этом салоне. И себе на массаж денег не пожалей — живем один раз. И не ходи больше к своему зубнику — я запишу тебя к моему дантисту».

Целители разрастались, как медузы. Одни уговаривали пациентов купить участок на луне, другие манили своих жертв в элитные рестораны, а кто-то — в пельменную или густо пахнущую столовую — каждый по своим способностям и силам.

Представьте, что вы заходите в аптеку и сочувствуете девушке в очереди, которая дрожащей

рукой вцепилась в плечо мужчины. Она едва сдерживается, чтобы не застонать от боли, и лицо исковеркано физическими страданиями.

— Слышала, — слабым голосом произносит она, умоляющим взглядом взирая на своего спутника, — еще вот это лекарство помогает.

— А нет ли отечественного аналога? — спрашивает он, подойдя к кассе. — Это слишком дорогое.

— Но оно того стоит, — говорит фармацевт, с укоризной взирая на бессердечного скрягу.

Лекарство куплено, девушка едва не плачет от благодарности. А через час вы снова видите ее здесь, но уже без спутника. На лице ее не осталось и тени болезненной гримасы, которая крутила ее у кассы. Наверное, думаете вы, лекарство и вправду настолько чудодейственное. Но нет: она возвращает провизору пакет медикаментов и получает свой процент.

Вы решите, что целитель — это призвание девушек. Нет. Парни далеко ушли от нас. Ведь женщины отчаяннее и щедрее. Мужчины покупали нам колечки и кофточка, а пациентки дарили мужчинам-целителям машины и дома.

Но работа целителя — это не только игра на физическом притяжении. Это финансовые, юридические и консалтинговые агенты, это продавцы косметики, которая гарантирует вечную молодость, это мастера обучающих курсов, после которых вы непременно станете мудрецом или миллионером, гейшей или первым блогером страны.

А мало вы видели продюсеров или издателей, которые обещают творческим личностям славу и успех в обмен на оплату первого диска или книги? Им стоит лишь простимулировать точку тщеславия безвестных творцов, распевая одинаково щедрые похвалы таланту и бездарности, чтобы разорить доверчивых бедолаг на оплату мест в братских могилах альманахов, сайтов и творческих фестивалей. Все они имеют свою десятину от сделки совести с лукавством.

Было любопытно, как же им удастся дурачить людей.

— Не говори с людьми на равных, — напутствовал Арсений в первые дни моей работы. — Включай тон родителя, вибрируя от ласковых нот к строгим и укоризненным, от снисходительных к недоумевающим. Тогда в пациенте включится ребенок. Веди себя так с первой же

минуты знакомства. Тогда пациент воспримет это как данность. Не начинай со своих улыбочек и добродушеньких похвал.

— Но это жестоко, — воспротивилась я тогда. — В мире так много черствости и равнодушия. Хочется нормального общения.

— Так возвращайся в свою нормальную жизнь, — вмешалась Лариса. — И что значит нормальная жизнь? Жадно делить с родственниками имущество? Ждать смерти родителей, чтобы распотрошить наследство? Или подсиживать начальника, чтобы занять его место? Делать карьеру? Не слишком ли это мелко для тебя? Ты можешь спасти мир, не всем это дано. Так иди и спасай.

В полдень каждой субботы мы — двадцать женщин и мужчин — собирались в офисе. Там Арсений с Ларисой давали нам заработанные проценты и советы по работе с пациентами. Каждый из нас, целителей, независимо от пола, внешне держался дружелюбно, но был все время начеку. Тот, кто позволял себе назойливые вопросы о чужой зарплате или интересовался списком пациентов коллеги, сразу же подвергался всеобщему молчаливому презрению. Были и те, кто путал реальную жизнь с работой и начинал хвастаться ресторанами и развлечениями, на которые потратились пациенты. Их снобизм вызывал то же брезгливое сочувствие, как позирование для фотографий на фоне чужих вилл или портрета знаменитости.

Но как я могла судить их, если сама так легко поддавалась соблазну жить за чужой счет? Подтягиваясь на носочках, притрагивалась к пяткам красивой жизни, оставаясь за ее бортом. И мое тщеславие тешилось, когда я садилась в дорогую машину или заходила в элитный магазин. А ведь моя ценность от этого не увеличивалась, более того, тяга к тому, чем я сама не являлась, лишь подтверждала собственный нулевой статус. Но не зло руководило тогда мною, а неприятная пошлость обывательницы.

Когда же через несколько месяцев я научилась честно называть мою работу «разводом на бабки» и не пыталась свои попрошайничества мысленно оправдывать высокой целью, то суетливая погоня за процентом вызвала у меня устойчивое отторжение. Гордость на лицах коллег, когда они получали премию за перевыполнение недельной нормы, поднимала во мне горький воп-

рос: «Неужели это все, к чему вы стремитесь?»

Но я должна была пройти эту ступень. Я не принадлежала к тем, кто еще в детстве бессознательно прошел первые уровни пирамиды Маслоу и уже в юности оказался на верхних плоскостях, чтобы посвятить себя творчеству и поиску места в этом мире. Мне, как и многим другим, не избалованным с рождения достатком, нужно было объесться лобстеров до отвращения и совершить десятки набегов на фирменные магазины, чтобы дорасти до духовных интересов. Надевая на палец кольцо с бриллиантом, я чувствовала сначала тщеславное превосходство над окружающими, потом тихое удовольствие, дальше — перестала его замечать и в результате подарила его маме. Нельзя отдать то, что не имел. Чтобы снять с ушей серьги и пожертвовать их на реставрацию иконы, испытав смущение вместо хвастливой гордости, нужно сначала эти серьги поносить. Невозможно уговорить себя, что меха и французское вино не влияют на ощущение счастья, пока эти предметы не превратятся из неожиданной роскоши в обыденность. И вот тогда-то и задумалась: «Дорогая машина, вкусная еда, тирамису на серебряном блюде... А что дальше? Что лично я представляю из себя? Что я сделал для этого мира?» Только в таком порядке. Я не верю, что из бедного детства с вечной нехваткой еды и одежды можно прямиком нырнуть в высокое искусство или в равнодушие к мирскому. Впрячься, конечно, можно, но на каком-то этапе произойдет срыв. Но если подростком, вместо того чтобы любоваться картинами в музеях, ты простаивал длиннющие очереди за молоком с трехлитровым бидончиком в руках, если не имел приличного свитера и одноклассники насмехались над твоими протертыми штанами, то первые свободные деньги ты потратишь не на поход в художественную галерею.

Так, французская художница Серафина украдкой сливала в баночку воск с церковных свечей для своего наивного искусства, недоедала и недосыпала, творя по ночам картины. Но от денег, которые принес ей успех, у престарелой художницы в буквальном смысле поехала крыша.

А где те несчетные многообещающие таланты, сверкнувшие яркой звездочкой и упавшие в яму первого гонорара? Сколько мастеров творили в нищете и, казалось, презирали богатства.

И вот вдруг то, что они рассеянно выплюнули в промежутке между глубокомысленными своими работами, привлекло внимание публики. Эта дрянная вещь не только была куплена, но еще и снискала успех. И вместо самодовольного удовлетворения творцу с трудом удавалось подавить неприятное чувство отвращения к глупой публике. «Берите», — брезгливо произносит он, бросая поклонникам примитивные поделки. Но деньги поглотили не один нуждающийся талант, и вскоре бедный мастер верил, что его знаменитая ерунда совсем не ерунда, и под восторг публики променял свой талант на десятки вариантов своей удачливой дряни.

Я пробовала заговорить об этом с кем-нибудь из коллег. Меня не останавливала замеченная за ними жажда накопительства, и я пыталась достучаться до их глубины. Но, к моему разочарованию, чаще уединенные беседы не открывали второго дна в моих собеседниках. Когда я видела пустого, злого или ехидного человека, мне всегда хотелось верить, что его отталкивающее поведение — маска, под которой скрывается что-то стоящее. Но мой оптимистичный подход к людям не раз обманывал меня. Когда я силилась копнуть глубже, то часто в ужасе убеждалась, что копать некуда: желчь и насмешливость оказывались сутью, а не защитной маской, под которой я искренне надеялась обнаружить раненое сердце. Наглость, сквернословие, кощунство — это и был сам человек, и никакого углубления в душевность или чувствительность не существовало...

Лючия остановила чтение и потянулась к бутылке. Последние капли шампанского упали на дно бокала.

— Спустишь еще за одной, кафе еще открыто, — сказала Лючия.

Пока Мария собиралась вяло запротестовать, Лючия уже вышла в коридор.

Мария взглянула в вечернее небо за окном, и мысли ее оказались такими же пустыми, как далекие звезды в мутном небе.

«Поздно», — тут же спохватилась она. Опять не успела позвонить, услышать родной голос. Казалось, эта глухая печаль сопровождала Марию целую вечность. И трудно было поверить, что дочь вообще существует. Она постаралась избежать воспоминаний, чтобы не поднимать со дна души утрамбованную материнскую тоску. По-

казалось на минуту, что ее разлука с дочерью — часть тягучего сна, что тело вот-вот вздрогнет и откроются глаза в счастливую реальность. Мария попыталась сбросить с себя рассеянность, но все сильнее раскачивалась в убаюкивающей колыбели планетарного бессмыслия. Ощущение текущего мига ускользало. Сознание, оттолкнувшись, уносилось в иные плоскости, где счет шел на тысячелетия, на миллионы жизней, на бесконечность планет. Никак не удавалось уговорить себя поверить, что это она сидит сейчас здесь, а не кто-то другой, за кем недоуменно наблюдает ее взор. Мария попыталась остановить внутреннюю панику и сбросить с себя когнитивное опьянение. И, наконец, ей удалось утихомирить заведенный волчок мыслей, который, сделав остаточный круг, замер на этой комнате и на молодой женщине, которая появилась в дверях с бутылкой шампанского.

— Вашего любимого, красного, не было, — сказала Лючия.

— Не будем шуметь, — попросила Мария, увидев, как Лючия тянется к краю стола за ножом, чтобы открыть шампанское по-гусарски.

— Вы правы, — ответила та, — откупорим без хлопка.

Шампанское в бутылке ворчливо зашипело и подобралось к пробке, которую придерживала Лючия, раскручивая железную проволоку.

Протянув Марии наполненный бокал, она продолжила свою историю:

— И вот на фоне каждодневной лжи и выкручиваний мне померещилась любовь. С незнакомцем. С первого взгляда. Так бывает в жизни — перед судьбоносной встречей на пути попадаете подделку. Измученные нетерпением, мы бросаемся в призрачное обещание счастья, которое оказывается лишь суррогатом того настоящего, что ожидает впереди.

Так и Алекс — он пришел после ошибки. Огонь доверия, который он зажег во мне, можно оценить в полной мере лишь после того, что было накануне с другим. После мгновенной вспышки страсти, за которой последовало неминуемое утреннее смущение. После растерянного стыда и обиды, сжимающей виски: он рассеянно косится на часы, и ты не угадываешь в его глазах ночного восторга и следов признаний в любви с первого взгляда. Он не удержи-

вает тебя, пока ты молча одеваешься. Ты медленно идешь в прихожую, спинным мозгом веря в его мучительное покусывание губ. Плечи ноют от ожидания: подбежит, остановит, не даст уйти, сорвет с тебя эту блузку, разлетятся пуговицы, с которыми ты возишься намеренно долго, с каждой застегнутой теряя надежду и желание дальше жить и кому-то верить.

А подбежал бы, так и обмякла бы в его руках — до того невыносимо натянулись струны недосказанности. Он вежливо сопровождает тебя вниз и предусмотрительно протягивает таксисту плату. Ты садишься в машину, жалко светя глазами в ответ на его выдвленную улыбку. Но, едва захав за поворот, ты принимаешь стремительное решение: пошла эта хренова гордость, ведь обоим было сладко этой ночью и почему не остаться вместе. «Остановите!» Таксист послушно тормозит. Ты порывисто — нет пути назад — выгребая из кармана мятые купюры и мелочь: «Это вам за беспокойство, не ждите!» Шальной ветер освежает горящее лицо, и ты, счастливая и гордая своей решительностью, спешешь броситься ему на грудь. Вот он, в нескольких шагах от тебя, еще не вошел в подъезд. Но вдруг ты все понимаешь, посмотрев в его лицо. Нет, не поймала его презрительный взгляд и не услышала оскорбление, это было бы не так жестоко. Он стоит вполоборота и беспечно болтает с соседом, они смеются о чем-то пустом. Он уже забыл о тебе, отдавшей ему с таким проникновением. Тебе не досталось даже иронии, даже насмешки — ночное приключение было попросту забыто им через минуту. Ты останавливаешься, пораженная его равнодушием. Следуя за взглядом соседа, который смотрит на тебя, он тоже поворачивается, и лицо его выражает нетерпеливую досаду: с какой стати ты все еще торчишь здесь? Он подходит, вопросительно глядя на тебя. Тебе становится ужасно неловко перед посторонним свидетелем, пусть бы незаметно ушел. Нет, сосед не смущается, а с понимающей ухмылкой ждет продолжения кино. Губы твои держатся в растерянной улыбке, ты истерично пытаешься придумать что-то вроде: «Оставила у тебя, а нет, кажется, нашла, ну, тогда пока». Ты нервно роешься в сумке, будто пытаешься выудить заколку или косметичку, а вынимаешь мобильный телефон: «Ты забыл взять мой номер».

Потом ты ждешь звонка. День, два, неделю. Душа скулит и ноет. Ты придумываешь ему оправдания: «Уехал, заболел, умер». Наконец высвечивается входящий звонок с заветным номером. Радость волнительным мячом больно бьет в живот, и ты хватаешь мобильный. Но именно в эту секунду приходит спокойное и четкое осознание, что звонит он не от тоски по тебе, не от внезапной нежности, а от скуки и безбаша. Телефонная вибрация сверлит твое каменеющее сердце. Ты застываешь, неподвижная, и не принимаешь вызов, чтобы не раскинуть от его голоса. И тут же удаляешь пропущенный входящий вместе с контактом, стараясь не запомнить цифры. Весь следующий день ты терзаешься, а вечером срываешься и торопливо набираешь номер, упрямо вгрызшийся в память. Едва услышав «алло», ты униженно предлагаешь себя, силясь поверить, что твое «Не хочешь как-нибудь встретиться?» звучит небрежно. Он коротко отрезает: «Я вам перезвоню» и отключается, а перед разъединяющей тишиной твое ухо успевает уловить всплеск женского смеха, бьющий наотмашь. Этот смех всю ночь гудит в твоём мозгу, и ты мечешься в беспокойном бреду. Провалившись в сон, ты просыпаешься от прыжка собственного тела — за секунду до приземления в черный погреб — и никак не можешь поверить в то, что произошло. А ведь ничего и не произошло — тебя банально поимели, как малолетнюю дворовую давалку, навешав лапши на уши. В твою голову не укладывается этот простой факт, ведь с тобой не случалось раньше вот так, с разлету, как с горки зимой. Отчаянной Маргаритой ты отдалась ему в вечер знакомства, пронзительно шепча: «Ты как Мастер, спас меня от душевного одеревенения». А ему было без разницы, кем ты его нарекала, хоть Шреком, лишь бы двигалась в такт.

Окунув меня в отрезвляющее разочарование, жизнь приготовила мое сердце к настоящей любви.

То, что произошло дальше, мне трудно описать сначала без умиления, а потом — без боли. Пусть об этом расскажут диалоги наших сердец.

— Ты не приходил так долго. И я поверила, что тебя не существует. Но ты пришел в правильный час. Раньше я не признала бы тебя. Я оставляю позади всю печаль, апатию и грусть. Оставляю свою дурную работу. Ты не услышишь от меня

воспоминания о других мужчинах. Мне известно, какую разрушительную силу имеют разговоры о прошлом — остается осадок, будто мы впустили в нашу спальню постороннего. Пожалуйста, и ты не вспоминай вслух — ни плохого, ни хорошего о прежних женщинах. Береги волшебное ощущение чистоты и единства между нами. Я знаю, что я у тебя не первая, но иногда будто забываю об этом. И мне кажется, что я единственная женщина в мире, которую ты познал. В первые дни свиданий я слушала рассказы о твоём прошлом спокойно, даже с любопытством. А теперь закрой все двери и окна в былое. И если кто-то из твоей прошлой жизни пытается пробиться в твоё настоящее, защити себя сам, не посвящая меня в эти подробности. Моя любовь не станет сильнее, если ты расскажешь, что кто-то не может забыть тебя. Ревность меня охлаждает, огорчает, от нее я потухаю и вяну.

Я прощаю тебе слова, сказанные другим женщинам: «Я люблю тебя». Произносите другим эти признания, мы оба не знали раньше, что значит настоящая любовь. Мы не лгали, нам действительно казалось, что мы любили. Но это было лишь подготовкой к нашей любви, уменьшенной копией наших теперешних чувств. Мы страдали от своих и чужих ревностных претензий и осознаем теперь прелесть взаимного доверия. Мы погружались в бытовые скандалы и умеем теперь ценить терпение и такт. Мы оправдывались и нападали, и знаем, какие язвы может нанести раздражительная критика и какую разрушительную силу имеет выпущенный на свободу гнев.

— Я искал тебя, но подворачивалось все не то. Когда я оставался один, скука возвращала меня к предыдущим привязанностям. А когда я уже готов был превратиться в циника, появилась ты, моя любовь. Прошлые связи кажутся теперь насмешкой, дешевой трагикомедией. Но благодаря былому мы убедились, что наша любовь — не само собой приходящее вслед за решением создать пару, а дар свыше. Мы встречались с другими, шли на компромисс, смирялись с непониманием, терпели чужие обвинения и сами незаслуженно язвили в ответ — оттого, что поверили, что так живут все, что не может быть иначе. Но если бы я знал, какая невероятная любовь меня ожидает, разве согласился бы я прислоняться к жал-

кой поверхности серых встреч, стал бы размениваться на бессмысленность третесортных отношений? Разве произнес бы «Люблю», барахтаясь в болоте назойливой ревности и раздражительности? Но дорога к нашей любви не была короткой, и нужно было занять себя в пути. Мы сидели в душные попутки, отдыхали, усталые, на обочине пыльной дороги, изредка пролетали часть пути навеселе, переменяя стремительных лошадей, но чаще — уныло тряслись в твердых повозках. А когда, уставшие от упреков в неблагодарности и мелочных счетов попутчиков, каждый из нас двоих все оставил позади и решил продолжать свой путь в одиночестве, наши дороги соединились в одну, бесконечную.

— Мы встретились и пошли рядом, взявшись за руки. А потом завернули в глубину чащи. Здесь мы поселимся, здесь будет наш дом. Я прощаю тебе прошлых женщин — они привели тебя ко мне. А теперь есть только мы и наше настоящее.

— Любимая, мне до сих пор не верится. Хоть прошли уже сутки с момента, как ты позвонила и попросила приехать с работы пораньше. Взволнованная, ты срывающимся голосом прошептала, что должна сказать мне что-то важное. Я зашел домой и застал тебя заплаканную.

— Родной мой, это слезы счастья. Как долго мы ждали нашу беременность. Сколько я прочла медицинских статей, сколько форумов пересмотрела — моей одержимости хватило бы на освоение новой профессии. Вклеим этот тест в фотоальбом нашего ребенка. Сколько волшебных забот впереди, прямо голова кружится.

— Совсем не рабочий настрой. Думаю только о тебе и нашем ребенке в твоём животе. Отныне, моя своенравная жена, никакого кофе и долгих часов за компьютером. И приучись отвечать на мобильный, я беспокоюсь.

— Ты совсем с ума сошел? Кому притащил столько фруктов? Я это и за всю беременность не съем.

— Ты сделалась дико импульсивной и непоследовательной, а твои страхи за ребенка передаются понемногу и мне. Придется набраться терпения, чтоб выдержать эти колебания настроений. А порой ты становишься такой беззащитной, что не оставял бы тебя ни на час.

— Вся моя сущность, все мысли и мечты сосредоточены в приятной тяжести внутри. Спина

ноет, живот тянет вниз, а подруга смеется: срок-то всего ничего, а уже неповоротливая, как утка.

— Весь вечер ты не встаешь с кровати и жалуешься на боли. Позвонили врачу, он успокоил, что боли при беременности — это нормально. Но все равно свожу тебя в клинику после выходных.

— Проснулась ночью и боюсь провести контрольным движением по верху своих пижамных штанов. Пусть трусливо, пусть каждый раз замирая от панического страха, но я проверяла себя постоянно, а сейчас медлю. Решаюсь в одну секунду и тут же убеждаюсь, что случилось непоправимое: ладонь окунается в липкую влагу, а нос вдыхает плотный запах крови.

Неожиданная апатия овладевает мною. Я не чувствую ничего, кроме невыносимого желания уснуть и больше не просыпаться. Вязкая лень путает мысли, и, сопротивляясь осознанию трагедии, я проваливаюсь в сон. Так организм защищает меня, отодвигая неминуемое потрясение.

— Меня будит твой прерывистый хрип. Ты лежишь на спине, испуганно трясешься и сжимая зубы. Я сажусь в кровати: «Что произошло?» — «Не знаю, — беспомощно выдавливаешь ты и поворачиваешься ко мне спиной. — Посмотри».

Красные пятна на постели, кровавый полукруг на твоей пижаме — как нож в горло, в грудь, в солнечное сплетение.

«Что там?» — дрожит твой голос, умоляя, будто от моей реакции зависит необратимое.

— Съезживаюсь от неготовности столкнуться со страшной правдой. Я жду и боюсь твоего ответа, желая оттянуть миг отчаяния. Медленно поворачиваю к тебе голову: отражение горя на твоём лице отнимает последнюю надежду. Ты размыкаешь искривленные состраданием губы. «Нет! — стонешь ты. — Не говори мне. Не говори, не говори!» Как загнанный в западню зверь, ты панически накрываешь голову подушкой и причитаешь: «Пусть мне вколуют укол. Пусть сделают все сами!»

— Не желаю ничего знать. Впасть бы в беспомыслие, чтобы не участвовать в том, что предстает дальше: подтверждение врачей о гибели плода, чистка, а затем пустота в душе и теле.

— Прошло уже два дня. Перед глазами стоит картина: ты не решалась смотреть вниз и просила вымыть тебя перед поездкой в скорую помощь; лилась вода, твой взгляд блуждал по

верху, и ты повторяла скороговоркой слова врача, что волноваться не о чем. А я не в силах был сказать тебе, что это конец. Не могу простить себя, что заранее не отвез тебя в клинику.

Ты встаешь с постели и выходишь на кухню. На столе тебя ждут пирожные. Я заварил к ним крепкий кофе — теперь опять можно. Слабо улыбаешься: «Спасибо». Ты избегаешь смотреть на меня — прячешь страдание, стесняешься себя, непричесанную, поникшую, с бескровным лицом. А я люблю тебя сейчас сильнее и глубже, чем когда-нибудь.

Чтобы не смущать тебя, выхожу из комнаты. Оборачиваюсь в дверях, и сердце сжимается от боли: ты остановилась, закрыв глаза и бессильно прислонившись к стене. Я услышал твою безмолвную мольбу о нежности, о поддержке, о любви.

— Упасть бы в обморок. Прямо здесь, за метр от тебя. Чтоб ты понял, как мне тяжело. Кожей чувствую твое приближение, и все внутри ноет от нервного напряжения. Ты берешь меня за плечи, разворачиваешь и прижимаешь к груди. Я стыжусь своей слабости и пытаюсь высвободиться, но ты держишь крепко. Твои руки гладят, любят, жалеют. И тогда я покоряюсь и тихо плачу: «За что?»

— Моя умница. Бодришься, занимаешься делами — держишься. Но как только ложишься в кровать, безвольные слезы текут по твоим щекам. Не знаю, чем помочь. Ты выставила меня за порог своего страдания и присвоила себе права на совместную утрату. А ведь и мне плохо, пусть ты не желаешь этого увидеть. Я лежу рядом, вспоминая нашу первую ночь в этой кровати. Оскольком мы говорили здесь, как много смеялись, спорили и любили друг друга. А теперь мне нет места в вашем союзе с печалью, с которой ты обвенчалась.

— Пробуждаюсь в необъяснимой панике. Прислушиваюсь в темноте к твоему дыханию и захлебываюсь от внезапного счастья: ты живая, ты рядом. Прижимаюсь щекой к твоему горячему плечу. Ты — все для меня: мой ребенок, мой муж, друг и семья. Нежность растекается по телу. Горькое смирение еще теснее соединило наши сердца, связав их крепкой нитью общего несчастья.

Ты проснулся и с трепетом прижимаешь меня к себе. Я готова разрыдаться от остроты чувств.

«Мой родной. У меня есть ты, а у тебя есть я». «Мы счастливы, мы будем счастливы», — уговаривают твои губы, целуя.

Ты ласкаешь осторожно, предупредительно. Мы оба растеряны, и каждый хочет уступить, а не взять инициативу. «Можно, можно», — разрешаю, прошу я. Боль, отчаяние и злая обида на жизнь выливаются в яростную любовную борьбу. Это наш праздник победы над смертью: мы не сломались под ударом судьбы. Мы выжили.

«Кризис миновал, я излечилась», — говоришь ты за завтраком. Слава богу, думаю я. Уже хотелось сбежать из этого царства уныния — не мог дальше выносить твоей депрессии. Казалось, я снова в детстве, где мать вечно недовольна отцом, а он, прокисший в ее бесконечных упреках, под любым предлогом увиливает из дома.

Приятно видеть, наконец, твою задорную улыбку и наблюдать, как ты увлеченно переставляешь сервизы на полках.

Как только дверь закрывается за тобой, безнадежная тоска опускается на дом, как опускается ночь на город после ухода солнца. Снова слезы. Но я плачу уже не от самого ощущения потери, а от свежего воспоминания о страшном отчаянии, раздавившем меня тогда. Эти слезы вторичны, и страдания не первичны — грустно от прошлой грусти и больно от той боли, которая пронзила меня после выкидыша. Достаточно вспомнить свою реакцию на трагедию, как слезы соболезнования капают из глаз. Неужели и горе мое уже ненастоящее, искусственно продлеваемое жалостью к себе?

Но мне вправду тяжело. Не знала, что бывает так тяжко. В то же время я не ожидала, что смогу пережить такой исход. Те, кто не сумел выносить ребенка, казались мне глубоко несчастными, и я поражалась, как им удалось не сойти с ума, не покончить с жизнью. Но вот я на месте этих женщин и продолжаю жить. Иногда тоска совсем исчезает, чтобы потом вернуться и мучить с новой силой.

Я всегда была оптимисткой и шла по жизни с веселым убеждением, что все происходящее — к лучшему, что для счастья достаточно веры и позитива. Я мечтала о сильном и красивом мужчине и встретила тебя. Беременные женщины терпеливо улыбались с экрана моего мобильного — и я дождалась зачатия. Тут же, до-

вольная успехом, я установила на мониторе заставку с изображением крепкого малыша и отметила в календаре примерную дату рождения будущего ребенка, зачитываясь его гороскопом. Глупая, гордая в своей уверенности, я вела расчеты и планы. А жизнь лишь посмеялась надо мной. Все к лучшему — что? Что дала мне эта неудачная беременность? Мое тело измотано, душа разбита. Я приобрела смирение или потеряла веру? Прежде мне удавалось влюбом поражении или разочаровании найти смысл. Но теперь как верить в логику жизни и ее благожелательность? Как идти вперед, зная, что вероломная судьба способна в любой день каждого, без разбора, выкрутить, согнуть и сломать? А безумно хочется верить в закономерность и справедливую упорядоченность жизни.

Хватит. Я должна притвориться перед собой, что все в порядке. Сработало: слезы кончились. Правда, голова раскалывается и бесконечно клонит ко сну.

Заставляю себя выйти на прогулку. В моей душе темнота, но не чернеет горизонт, не гремит гром и дождь не топит улицы. В парке поют птицы и распускаются цветы, зеленая листва мягко качается на ветру. Все это отражается в моих зрачках, но отскакивает пластмассовым мячиком от сердца, не достигая внутреннего восприятия.

Ноги ведут меня вдоль аллеи, и очередной прилив безнадежности маячит впереди. Я выхожу из тени деревьев, и солнечные лучи брызжут в лицо. И вдруг мудрость всей земли разворачивается передо мной. Словно во мне — опыт всех обиженных детей, сломленных женщин и мужчин, разочарованных стариков. Страстно хочется проникнуть в глубинные тайны мира, узнать откровения веков и делиться этим с людьми. Мое естество обновляется и открывает в себе потаенное дно. Прежде мне виделось предназначение только в материнстве, которое оправдало бы смысл моего существования. Будущее казалось ясным и определенным: ежедневно лелеять свой живот, раз в неделю посещать женскую консультацию, потом — родить, кормить и воспитывать. Я собиралась защититься от мира и самой себя, без остатка отдавшись заботам о семье. Хотела стать дезертиром жизни, прикрывшись фартуком домохозяйки. Нет! Функция жены и матери — не потолок для женщины.

Отложив книгу, Лючия говорила:

— Я обязана была перестать сторожить свое горе и, пусть с хрустом, треском и болью, оторвать себя от выдуманной картинки идеальной героини, которая нянчит детей, следит за домом и сервирует стол к приходу мужа с работы.

Мысленно расставаясь с иллюзиями, я восстанавливала свою целостность. Через опустошенность во мне рождалась сила. Боль обтесала и закалила меня и возвратила к самой себе — той, которой меня создал творец. Окровавленное сердце затягивалось, и на лице моем выступила грустная улыбка. Но то была не истерическая гримаса, а отпечаток прожитого. Мною владела не взвинченная тоска, а остывшая грусть.

Я купила в магазине толстую тетрадь и стала преобразовывать разочарование и беззащитность в слова. Моя душа разверзлась таким потоком радости и боли, страха и надежды, что я смеялась и рыдала над каждой строкой, с очередной исписанной страницей делаясь все сильнее. Освобождаясь от старых обид и разочарований прошлого, я заходила внутрь себя настоящей и одновременно отправлялась в безграничную даль будущего. Мои нервы оголились, и я выплескивала на бумагу все, что носила в себе с далекого детства: вину и прощение, признания и недомолвки. Операция была болезненной, но я родила себя, вытолкнув наружу свое прошлое, не в силах больше кормить его соками моей души. Выливая на страницы жалобы и обиды, сердце мое обновилось. И лишь через долгие месяцы, когда моя память освободилась от желчного недовольства, я создала свой иронический детектив, который дал мне звание писателя.

Лючия взглянула на Марию и уловила злорадный блеск в ее глазах.

«Зато у меня есть ребенок! — мысленно ликовала она. — А ты — пустоцвет».

— А вы? — спросила Лючия. — Любили когда-нибудь?

— Почему вы спрашиваете в прошедшем времени? — вспыхнула она. — Я замужем, и у меня все хорошо.

Мария не хотела вспоминать, как чуть не предала мужа по безумному влечению и едва не ушла из семьи. Но она вовремя одумалась. Ее душу переполняла нерастраченная нежность, и Мария берегла ее всю для своей четырехлетней дочери,

которую собиралась перевезти с мужем к себе.

— Вы думаете, что делаете мужу услугу, оставаясь с ним и превращая его в тряпку?

— Это не ваше дело, — прошипела Мария.

— Мое, — ответила Лючия. — Потому что мужчина, с которым у вас пять лет назад случился роман, — мой муж.

— Саша? — произнесла Мария.

— Алекс поверил вашим признаниям в том, что вы не любите мужа. Поверил лживым обещаниям развестись и быть с ним.

Мария взяла со стола обертку от шоколадки и нервно смяла ее в ладони.

— Вы заставили его страдать, — добавила Лючия.

— Мне казалось, что он быстро утешится, — произнесла Мария. — А мне было действительно тяжело. Но Артем... Я не могла бросить его. Он такой ранимый, такой мягкий.

— Хоть на хлеб намазывай.

Мария вздрогнула.

— Но вы его совсем не знаете.

— Знаю то, — сказала Лючия, — что если бы вы ушли от него, он отомстил бы вам не только тем, что отобрал бы дом, за который вы платили кредит, но и облил бы грязью. Хотите попробовать?

— Нет, — решительно ответила Мария.

— Потому что боитесь увидеть его настоящее лицо. Трудно жить без иллюзий, — сказала Лючия. — А то, что ваш Артемка погуливает от вас, разве вы не знаете? Не на широкую ногу, конечно, на это у него характера не хватит. А так, исподтишка. И с каждым разом ваши взаимные предательства будут все шире и отвратительнее. Любовь нужно беречь с самого начала. Первые чувства — это эмбрион любви, который может не прижиться. Пятая часть выкидышей происходит до того, как пара узнает, что зачала. Сколько потенциальных отношений распадается до того, как двое осознали, что между их душами закреплялся союз. Но если любовь созрела и родилась, ее нужно лелеять, как ребенка, которого защищают от мороза и пристегивают ремнем безопасности при езде. Ведь невозможно потом сказать: «Ах, прости, не уберег тебя, малыш, давай все сначала». Любовь тоже живая, ее можно убить и искалечить. Вы же с мужем слишком часто пренебрегали друг другом. Но, думаю, любви между вами никогда и не было. Вы убедились в этом,

встретив Александра. С ним вы поняли, чего лишились, предав свои романтические мечты и выйдя замуж без любви и страсти. Если огня нет с самого начала, он не появится никогда. Можно, конечно, примириться со скукой, можно утешиться заботой и обречь себя на вечную неудовлетворенность и уныние. Другой же выход из этого душья — пойти по следам Анны Карениной, госпожи Бовари, Маргариты и Аксиньи.

Мария встала, и глаза ее расширились от возмущения:

— Вы читали мои письма к Саше?

— Все любовные терзания так похожи. Я всего лишь выразила то, что чувствуют миллионы женщин.

— Итак, — подытожила Лючия. — У вас в наличии муж, который не упускает повода, чтобы не упрекнуть вас за прошлое, обида на родителей, кредитный дом и свекровь, от которой вы сбежали в столицу — якобы делать карьеру. Вот все ваши достижения.

— Я — мать. А это многого стоит, — твердо произнесла Мария. — У меня есть дочь — вот мое настоящее достижение.

Лючия с горьким сочувствием взглянула на нее.

— Послушай, — промолвила она. — Я должна сказать тебе.

— Что? — испуганно произнесла Мария.

От внезапной тревоги струйки пота потекли по ее ребрам.

— Твоего ребенка больше нет.

Рот Марии вытянулся, веки дрогнули, и она прошептала.

— Это неправда.

— Это так, — сказала Лючия. — Ребенка нет.

Мария закрыла уши ладонями и прохрипела:

— Замолчи! Замолчи!

Лючия приблизилась к Марии и с силой отняла ее руки от головы.

— Хочешь знать, как умирал твой ребенок?

— Нет! Пожалуйста.

— Сказать тебе, кто его убил?

Мария растерянно смотрела на Лючию и вдруг запричитала:

— Я не хотела его убивать. Но что бы я сказала свекрови? Ребенок родился бы похожим на Алекса. На Алекса, — повторила она. — На моего любимого Алекса.

— Я разгадала тебя, — произнесла Лючия. —

Ты просто тянешься к страданиям. Ты наслаждаешься разочарованием, любишь своим терпением. Поэтому ты и добила меня, не только растоптав любовь, но и выскоблив из матки плод этой любви.

— Я узнала тебя, — с ненавистью заговорила Мария. — Это ты! Ты настроила меня сорваться и уехать в столицу, чтобы делать карьеру, а сама убежала при первой же неудаче, оправдавшись: «Цифры — это не мое». Это ты напела мне в ухо, что в столице меня ждет успех. Хорошо, что после этого я перестала тебя слушать.

— А зря, что перестала, — сказала Лючия. — Я предлагала тебе написать детектив о финансовых махинациях. Точно получился бы бестселлер. У тебя ведь в детстве неплохо получались авантюрные истории.

— Но раз ты — это я, — осенило Марию, — значит, я — не ничтожество, а успешная писательница. Где моя книга?

Она бросилась к сумке Лючию. Не нащупав книгу, она вывернула раскрытую сумку. Оттуда посыпались мятые листки и исписанные бумажные салфетки

Лючия расхохоталась:

— Наброски, черновики! Это все, на что тебя хватило. Бесконечная подготовка к готовности.

— Ты же читала мне ее, — растерянно говорила Мария, — я же сама видела книгу.

Лючия ядовито сощурилась:

— Но ты — еще не я. Ты — не успешный писатель, не жена любимого мужчины. Я — твоя альтернатива. Та, кем ты могла бы стать, не будь такой трусливой.

— Не-е-т, — зло протянула Мария и схватила со стола нож. — Ты способна только взбаламутить, разрушить старое, не построив нового. Ты вздор, экзальтация, — продолжала она, сжимая нож в руке и подступая к Лючию. — С меня хватит.

Мария занесла нож для удара, но Лючия поймала ее кисть.

— Стоп! — воскликнула она, выкручивая ее руку. — Это слишком предсказуемо.

Мария, тяжело дыша, ослабила пальцы, и нож упал на пол.

— Позволь мне существовать в тебе, — промолвила Лючия.

Мария, успокаиваясь, покорно села, ведомая Лючию, на диван.

– Мы никогда не сможем принять друг друга,
– произнесла Мария.

– Это будет трудно, мой Гадкий Утенок, мой неподъемный якорь.

– Но я еще и твоя Золушка, – сказала Мария. – Ты не была бы такой принцессой, если бы не было меня.

Лючия плюхнулась на диван и с досадой сказала:

– Мы нарушаем закон жанра. Ты мой Черный Лебедь, ты должна нападать, а я защищаться и, в конце концов, убить тебя.

– Ты начиталась слишком много мистического бреда, – ответила Мария. – Смотри на вещи проще.

Лючия обернулась к ней, упрямо воскликнув:

– Эти слова должна была произнести я. А твой удел – нить, рефлексировать и обвинять мир в несправедливости.

– Твои высказывания – стереотип, – заметила Мария. – Мелодрама. Не существует чистых типажей. Мы все – смесь радости и тоски, малодушия и решимости.

– Но именно ты – чистый типаж вечного тормоза, – сказала Лючия.

– Твоей безголовости не помешают тормоза, – осатила ее Мария.

– Как же мне жить рядом с тобой, – растерянно произнесла Лючия.

– Притремся, – ответила Мария.

– Но ты, – с надеждой спросила Лючия, – решишься на перемены? Не оставишь меня киснуть в твоём болоте?

– А ты? – ответила Мария. – Дашь мне когда-нибудь отдых от твоих затей?

– Знаешь, – неожиданно призналась Лючия. – Я сама иногда устаю от своих крайностей.

– А я порой так злюсь на себя за нерешительность. Даже завидую твоей легкомысленной беспечности.

– А я – твоей осторожности, – сказала Лючия и взяла руку Марии в свою.

Так они сидели молча, пока в окне не забрезжил рассвет.

– А что делать с ножом? – произнесла Мария. – Не стоило доставать его в начале истории. Чехову бы это не понравилось.

– Вычеркни эту фразу! – просияла Лючия. – К Чехову обращусь я.

– Ты все споришь, – вздохнула Мария. – Как с тобой жить?

– Как жить... – рассеянно повторила за ней Лючия и, поднявшись, с театральным пафосом произнесла:

– И будем жить.

Занавес.

□

Светлана РАМБЕЛЛИ

родилась и выросла на Украине, живёт в Италии.

Образование высшее.

Окончила Высшие литературные курсы.

Пишет прозу.

Финалист конкурса «Северная звезда-2016»,

лауреат конкурса «Северная звезда-2017» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

